

Без оружия

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Без оружия

Аркадий и Борис Стругацкие

Аркадий Стругацкий и Борис Стругацкий

Без оружия

Действующие лица:

РУМАТА

КИРА

БУДАХ

АРАТА

РЭБА

КОНДОР

ОКАНА

АБА

УНО

ЦУПИК

ХОЗЯИН

ПИЛОТ

ТОРГОВЕЦ

МАРШАЛ

ТОЦ

НЕИЗВЕСТНЫЙ

горожане, штурмовики, монахи

ПРОЛОГ

На темной авансцене в луне прожектора появляется Румата – в черном трико с головы до ног.

РУМАТА. То были дни, когда я познал, что значит страдать; что значит стыдиться; что значит отчаяться...

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Спаси, спаси нас! Нам бы хоть какнибудь да пожить!

Луч прожектора гаснет. Румата уходит, занавес раздвигается.

Лесная поляна. На заднем плане – Угрюмая Берлога, приземистая бревенчатая изба, наполовину вросшая в землю. Посередине сцены – покосившийся идол-чучело, на одной из растопыренных деревянных лап висит зажженный фонарь. У подножья идола в кругу света сидит дон Кондор в средневековом плаще и ботфортах, в шляпе с пером, рассеянно царапает какие-то фигуры у ног своих концом шпаги в ножнах и насвистывает печальную мелодию – «Летят утки». Из темноты доносятся знакомые звуки: лошади переступают копытами, звякают уздечками, шумно вздыхают, отфыркиваются.

Дон Кондор вдруг поднимает голову, прислушиваясь. Нарастает характерное жужжание приближающегося вертолета. Заржала лошадь в темноте. По поляне, по стволам деревьев пробегает летучий голубой луч прожектора, сразу гаснет. Жужжание усиливается, затем резко обрывается. Дон Кондор встает. Справа на сцену выходят двое. Первый – дон Румата в средневековом дорожном костюме, при шпаге и в шляпе, с ковровым мешком в руке. Второй – Пилот, в серебристом комбинезоне.

Дон Кондор быстро идет им навстречу, но не дойдя нескольких шагов, срывает шляпу и делает глубокий поклон. Румата тоже кланяется.

ПИЛОТ. Познакомьтесь, товарищи. Резидент Института экспериментальной истории в торговой республике Соан Александр Васильевич Симонов, он же генеральный судья и хранитель государственных печатей упомянутой республики дон Кондор. Новый резидент Института в герцогстве Арканарском Малышев Антон Константинович, он же...

РУМАТА. Барон Румата дон Эстор. Покинул метрополию в надежде быть представленным ко двору герцога Арканарского и предложить ему свою честь и шпагу.

КОНДОР. Здравствуй, Антон...

Они пожимают друг другу руки.

РУМАТА. Простите, Александр Васильевич, чтобы не забыть... Вам письмо с Земли, от внучки... (Достает из-за обшлага конверт, протягивает Кондору.)

КОНДОР. Спасибо... (Отходит под свет фонаря, быстро проглядывает письмо, затем прокашливается.) Спасибо, Антон... Ну что ж, друзья, присядем, поговорим... (Усаживается под идолом, похлопывает ладонью возле себя.) Садитесь...

Румата и Пилот садятся.

КОНДОР. Долетели благополучно?

ПИЛОТ. Над Зеленой бухтой немного покачало, штормит... А так ничего, все в порядке.

КОНДОР. Вы ведь с Полярной базы добирались!

ПИЛОТ. Так точно, Александр Васильевич. На субмарине. Снялись с борта только в Зеленой бухте.

КОНДОР. Так... На базе с тобой говорили, Антон? Положение знаешь?

РУМАТА. Говорили. Знаю. Положение неважное.

КОНДОР. Да, наделал нам Орловский хлопот. Придется тебе все начинать сначала.

РУМАТА. Это я еще на Земле знал.

КОНДОР. Что на Земле говорят!

РУМАТА. На месте, говорят, сориентируешься.

КОНДОР. Будем надеяться... Думаешь отсюда прямо в Арканар!

РУМАТА. Если вы не возражаете.

КОНДОР. Нет, я не возражаю. Действительно, чего оттягивать. Я только тебе посоветовал бы не сразу устраиваться капитально. Есть там постоянный двор...

«Серая Радость» называется... Как тебе такое название? Остановись первоначально там, оглядись, послушай, немножко себя покажи... так, самую малость...

РУМАТА. Да, мне на базе тоже так рекомендовали.

Кондор. Вот и я тоже рекомендую. И именно «Серую Радость». Там сейчас окопался Будах.

РУМАТА. Будах? Тот самый? Будах Арканарский?

КОНДОР. Тот самый знаменитый Будах. Математик и астроном.

РУМАТА. И еще немножко поэт, немножко колдун, немножко мистификатор, как я понял... Почему он окопался в «Серой Радости»?

КОНДОР. Снимает там конуру, пьет, скандалит. Три недели назад у него сгорел дом... вместе с обсерваторией и библиотекой.

РУМАТА. Сгорел! Или...

Кондор. Сожгли, конечно. Он сам чудом спасся. Между прочим, он был большим приятелем Орловского...

РУМАТА. Да, знаю. Орловский ведь переводил его на русский... «Как лист увядший, падает на душу...» Ну, хорошо. Значит, для начала «Серая Радость», Будах. Что еще?

КОНДОР. Оборудование для тебя спрятано в этой избе (Показывает через плечо.), в под вале. Там замаскирован сейф. В сейфе ты найдешь ранцевый птицелет, приемопередатчик для прямой связи с Полярной базой, кое-какие мелочи... Да, там еще полевой синтезатор. Дает до полутора килограммов золота в час в отливках по двести граммов... (Усмехается.) Все на случай бегства, на случай сомнений, на случай бедности...

РУМАТА. Понятно. Спасибо.

КОНДОР. Кстати, деньгами тебя снабдили?

РУМАТА. Триста золотых.

КОНДОР. Этого для начала хватит. А потом свяжешься с ювелиром одним, с ним покойник Орловский...

РУМАТА. Да, я знаю. Отец Гаук, улица Молочников.

КОНДОР. Все-то ты знаешь... Ладно. Еще я хочу предупредить тебя. Мир, с которым ты войдешь в соприкосновение уже завтра утром, он потребует от тебя предельного напряжения совести. Мир нормального средневекового зверства... Да, да, тебе об этом рассказывали, тебя инструктировали, тебе показывали фильмографии, но это все не то... Подожди, пока впервые втянешь носом запах горелого мяса...

РУМАТА. Не беспокойтесь, Александр Васильевич. Я выдержу.

КОНДОР. Если бы я хоть несколько первых недель мог быть рядом с тобой ежеминутно, с утра и до вечера... (Машет рукой.) Мы здесь поняли кое-что такое, чего у нас в Институте на Земле никак не могут понять. Нас готовили так, чтобы мы не сорвались, выдержали. Но ведь выдерживать-то тоже нельзя, Антон. Если когда-либо поймешь, что способен выдержать здесь все, беги тогда отсюда без памяти. Это будет значить, что ты прочно вошел в роль. Что ты уже не коммунар, а благородный подонок барон Румата. Бойся войти в роль! В каждом из нас здесь благородный подонок борется с коммунаром. И все вокруг помогает подонку, а коммунар – один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков...

Пауза. Румата внимательно смотрит на Кондора, Пилот, напротив, отвернулся от них.

РУМАТА. Но это же азбука, Александр Васильевич. Все мы отлично понимаем, что мы историки, а не физики. И что мы здесь находимся вовсе не для того, чтобы утолять наше чувство справедливости...

КОНДОР. Да... да... (Глубоко вздыхает.) Я здесь, голубчик, пятнадцать лет. Я уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роюсь в бумагах, нашел фотографию одной женщины, долго соображал, кто это такая... А это дочь была, мать вот этой... (Прижимает ладонь и груди, куда, очевидно, спрятал полученное письмо.) РУМАТА. А ведь вам отдохнуть надо, Александр Васильевич.

КОНДОР (резко выпрямляется). Подожду, подожду еще отдыхать... (Встает. Румата и Пилот тоже вскакивают.) Да, все это лишнее. Пора. Итак, твое дело – наблюдение, изучение, в лучшем случае – спасение деятелей культуры и культурных ценностей... Впрочем, ты это, конечно, знаешь...

РУМАТА. Знаю.

КОНДОР. Ты все знаешь. Но вот что ты мог знать, но забыть. Все мы разведчики. И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас в качестве заложника.

Он резким движением нахлобучивает шляпу. Румата склоняется перед ним в церемонном поклоне.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

По авансцене перед закрытым занавесом под грохот барабана маршируют серые штурмовики – серые рубахи до колен, серые штаны, черные сапоги, на правом плече топор. Последние два штурмовика волокут на веревке связанного избитого человека в партикулярном. За занавесом шумит толпа, слышны крики:

– Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!

– А мой-то! На правом фланге! Вчера еще его порол!

– Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие! Ура, серые роты!

– Ура, дон Рэба! Слава доброму герцогу нашему!

– Мужичье – в кровь!

– Баронов – на фонарь!

– Грамотеев – на кол!

– Ура, орел наш дон Рэба!

Штурмовики проходят, шум стихает, занавес раздвигается.

Харчевая зальца в нижнем этаже постоялого двора «Серая Радость». Тяжелая стойка, за нею полки с глиняными бутылками и боченкообразными кружками. На переднем плане – тяжелые столы и тяжелые скамьи. За стойкой – Хозяин, толстый, красный, в кожаной безрукавке, он неторопливо беседует с торговцем, который сидит за ближайшим к нему столом над кружкой пива. Кира, дочь Хозяина, хорошенькая, в белом передничке, вытирает столы тряпкой.

ТОРГОВЕЦ. Конечно, порядку нынче против прежнего больше стало. Хоть герцог у нас еще малолетка, зато канцлер при нем – всем канцлерам канцлер. Орел, одним словом. Опять же хлеб подешевел, а на сукно, скажем, или там на оружие цены растут... А все-таки... (Крутит головой и припадает к кружке.)

ХОЗЯИН. А вы их, почтеннейший, не жалейте. Они сами себе на уме. Выдумают, надо же!.. Мир круглый! Да по мне хоть квадратный, а умов не мути!.. Не-ет, много от грамотеев этих гноя идет, почтеннейший. Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше – больше, оскорбительные стишки, а там и до бунта недалеко...

ТОРГОВЕЦ. Да разве я что говорю! Я говорю только, не надо бы так жестоко. Все-таки человек, живое дыхание... Ну, грешен – так накажите, поучите, а зачем вот так-то – сапогами да по лицу, да под ребра, а он как зайдет криком, а кровища кругом во все стороны...

ХОЗЯИН. Вы почтеннейший, главное, не сомневайтесь. Раз власти так поступают – значит, знают, что делают. Орел наш дон Рэба...

Слева быстрыми шагами входит штурмовик в серой рубахе, рукава засучены, руки до локтей забрызганы чем-то черным. Это – Аба, брат Киры и сын Хозяина. Швырнув топор в угол, он подходит к стойке.

АБА. Налейте-ка пивка, папаша, в глотке пересохло... (Залпом выпивает кружку.) Уф-ф... Там во двор благородный какой-то заехал, пошли бы встретили... (Хозяин торопливо выходит. Аба поворачивается к Кире.) Эй, рыжая, поди слей мне воды, руки помыть...

КИРА. Сейчас...

АБА. Не сейчас, а иди, когда тебе говорят!

КИРА (оглядываясь на него, прижимает кулачки к груди). Ой, Аба, в чем это у тебя руки-то!

АБА. В чем, в чем... В чем надо, в том и руки... Ну, чего стоишь, вытаращилась! Идем!

Они скрываются в помещении за стойкой. Входит Румата, за ним Хозяин с его ковровым мешком.

РУМАТА. Чтобы помещение было самое лучшее, достопочтенный, белье чистое, полотняное...

ХОЗЯИН. Все будет сделано, благородный дон...

Румата останавливается посередине зальцы, оглядывается. Торговец приподнимается, кланяется. Румата небрежно кивает.

РУМАТА. На завтрак подашь. Что у тебя есть!

ХОЗЯИН. Собачьи уши, отжатые в уксусе... Тушеный крокодил в болотных травках...

РУМАТА. Гм... Смотри мне, промашек не потерплю!

ХОЗЯИН. Не будет промашек, благородный дон... Я же понимаю... Завтрак прикажете сюда подать!

Румата опять оглядывается.

РУМАТА. Нет. Подашь мне в комнаты. Иди все устраивай, а я пока посижу здесь, выпью пива...

ХОЗЯИН. Сию минуту... Кира! Кружку пива благородному дону!

Из-за стойки торопливо выходит Кира. За нею, на ходу отворачивая закатанные рукава, появляется Аба. Румата и Кира секунду глядят друг на друга. Затем Румата усаживается за стол.

РУМАТА. Из рук такой прелестной девицы... А нет ли у тебя ируканского, хозяин! Я бы охотно чокнулся с этой красавицей...

ХОЗЯИН. Подай благородному дону бутылку ируканского...

Хозяин поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж. Кира приносит от стойки и ставит перед Руматой глиняную бутылку и стакан. Наливает.

РУМАТА. Отлично придумано, прекрасная девица. Я намеревался чокнуться с тобой, но будет гораздо приятнее пить из стакана, которого коснулись твои розовые губки... (Протягивает стакан Кире.) Пей, мне не терпится узнать твои мысли...

КИРА. Как это – узнать мои мысли!

РУМАТА. У меня на родине есть поверье, что кавалер, который льет из стакана после девушки, узнает все ее мысли...

Кира испуганно отстраняет стакан. Аба, который стоит, облокотившись на стойку, гогочет. Торговец тоже хихикает. Румата холодно оглядывает их, затем

указывает на Абу.

РУМАТА. Кто этот молодой... гм... каторжник!

КИРА. Это мой брат, сударь... Его зовут Аба...

Аба приближается, ослабляясь.

АБА. Совершенно в точности, благородный дон. Брат я ей. И потому знаю, что вина она не пьет, котя в остальном девица вполне толковая...

РУМАТА. Гм... Аба... А почему на тебе такое нелепое одеяние!

АБА. Какое же оно нелепое! Это потому, что я состою в штурмовых отрядах канцлера и орла нашего дома Рэбы...

РУМАТА. Видишь ли, любезный, я из далеких стран... Впрочем, ты можешь взять этот стакан и вернуться на свое место у стойки... (Аба хочет что-то сказать, но Румата предупреждает его движением руки.) Можешь взять с собой даже всю бутылку. Поскольку твоя очаровательная сестра не пьет, я тоже бросаю...

Аба хватается бутылку и стакан и, кланяясь, пятится к стойке.

РУМАТА. Ну что ж, раз судьба не сулила нам познать в вине вкус губ друг друга, давай хоть побеседуем... Садись. (Кира несмело присаживается напротив Руматы.) Как тебя зовут, прекрасная девица?

КИРА. Кира, благородный дон.

РУМАТА. Чудесное имя. А меня зовут Румата. Это имя носили восемнадцать поколений моих благородных предков, и тысячи прекрасных дев произносили его с нежным трепетом... Ты тоже будешь произносить его с нежным трепетом, не так ли, Кира?

КИРА. Вы смеетесь надо мной, благородный дон...

Она пытается подняться, но Румата удерживает ее.

РУМАТА. Нет, я не смеюсь. Это у меня такая манера разговаривать. Хотя нет, кажется, действительно немножечко смеюсь. Не обижайся. Дорога была долгая и скучная, вот я решил слегка повеселиться. Но можешь мне поверить...

Он останавливается. Со второго этажа доносятся отчетливо слышные голоса. Голоса Хозяина и Будаха.

БУДАХ. Да не ворчи ты, старое копыто! Мало тебе от меня перепало!

ХОЗЯИН. За что заплачено, за то заплачено, а за что не заплачено, за то надо платить вовремя...

БУДАХ. Скупердяй старый. Скажи лучше, для кого это ты такие хоромы готовил?

ХОЗЯИН. Не для таковских, как некоторые. Благородный дон у нас остановились...

БУДАХ. Ага... Кто таков?

ХОЗЯИН. Сам скажет, коли захочет. Мне ни к нему. Пять золотых задатку дали, не как некоторые...

БУДАХ. Пять золотых! Ай-яй-яй! Да ведь вся твоя ночлежка этого не стоит... А в кости он как? Играет?

ХОЗЯИН. Сами спросите...

БУДАХ. Он где! Внизу!

ХОЗЯИН. Внизу. Вино пьют.

БУДАХ. Что же ты раньше не сказал, полено толстомордое?

На лестнице появляется Будах – огромный, встрепанный, в расстегнутом кафтане. Он спускается медленно, со ступеньки на ступеньку, оглядывая зальцу, затем взгляд его останавливается на Румате и Кире.

БУДАХ. Пристроился, прохвост... Успел уже...

Он садится поодаль за отдельный стол.

РУМАТА. Кто это!

КИРА. Это Будах, великий чернокнижник... (Поднимается.) Вы меня простите, благородный дон...

РУМАТА. Зови меня просто Румата.

КИРА. Вы меня простите, мне нужно... (Не закончив, торопливо отходит к Будаху.) Здравствуйте, отец Будах.

БУДАХ. Здравствуй, лапочка. Что это за хлюст?

КИРА. Новый постоялец. Из благородных...

БУДАХ. А чего ты с ним сидишь?

КИРА. Так мне положено. Кто меня с собой посадит, с тем и сижу. Иначе меня здесь со свету сживут, отец Будах, сами знаете.

БУДАХ. Это уж точно... Только уж какой-то он особенно лощеный, противный...

КИРА. Да нет, он еще ничего... Чего вам подать, отец Будах?

Будах в затруднении скребет в шевелюре. В зальцу спускается Хозяин, подходит к Румате.

ХОЗЯИН. Завтрак сейчас же прикажете, благородный дон?

РУМАТА. Что? Нет, потом... Я скажу, ступай.

Хозяин кланяется, отходит, оглядывается на Киру.

ХОЗЯИН. Эй, Кира, ты там с ними не очень-то, уши не распускай, а то они тебе назаказывают...

КИРА. Ничего они не заказывают, папаша, не беспокойтесь.

АБА (от стойки). Пива ему позавчерашнего и хлеба горбушку, и будет с него...

БУДАХ. Заткнись, губошлеп... Ладно, Кира, лапочка, принеси мне кружку пива и хлеба немного.

ХОЗЯИН. Немного... И то много на дармовщинку-то... Погоди, сам налью.

Хозяин уходит за стойку. Румата встает, переходит к столу, за которым сидит Будах, садится. Смотрит на Будаха, на Киру, которая все еще стоит рядом, снова на Будаха.

РУМАТА. Друзья мои, одному мне скучно. Позвольте уж мне с вами.

БУДАХ. А садитесь, коли хотите, мне-то что...

РУМАТА. Рад с вами познакомиться, почтенный Будах... Ведь вы – Будах?

БУДАХ. Ну!

РУМАТА. Отлично. Я вас искал. Но с вами потом. Позвольте сначала закончить разговор с этой вот прекрасной девицей...

Подходит Хозяин, грохает перед Будахом пивную кружку, бросает ломоть хлеба.

ХОЗЯИН. Извольте завтракать, почтенный. В последний раз. Больше вам не будет, пока не заплатите...

БУДАХ. Экая ты скотина все-таки... Что ж ты со мной так при других людях, а?

ХОЗЯИН. Невелика персона...

АБА (от стойки). Гнать его, колдуна, со двора надо, а вы с ним разговоры разговариваете, папаша...

РУМАТА. Погодите... (Берет кружку с пивом, нюхает, затем выплескивает пиво Хозяину под ноги.) Ступайте, достопочтеннейший, и принесите нам с почтенным Будахом по кружке хорошего пива... И если пиво будет плохим, я вас в нем утоплю!

ХОЗЯИН. Сию минуту, благородный дон... (Поспешно уходит.)

БУДАХ (качает головой). Ну и ну!

РУМАТА. Так вот, сначала я хотел бы закончить разговор с этой прекрасной девицей. Кира, я действительно позволил себе слегка пошутить с тобой, и мне показалось, что ты рассердилась...

КИРА. Я не рассердилась...

РУМАТА. Тогда прими от меня маленький подарок... Дай твою руку.

Кира растерянно глядит на Будаха, затем нерешительно протягивает Румате руку, Румата надевает на ее запястье золотой браслет.

КИРА. Но как же... Благородный дон, я ведь не могу...

БУДАХ. Дай-ка взглянуть, лапочка... (Берет ее руку с браслетом, разглядывает.) Гм, похоже, что золото... Да, настоящее золото. (Отпускает руку Киры, смотрит на Румату.) Однако, благородный дон, делать такие подарки вместо того, чтобы извиниться...

Кира пытается снять с руки браслет.

КИРА. Я не могу, право... Это слишком дорого...

Между тем, привлеченные разговором, и ним приближаются Аба и Торговец, а затем подходит и Хозяин с двумя кружками.

АБА. Хвостом тя по голове! И вправду золотой!

ТОРГОВЕЦ. Верно, золотой, золотой. Я золото повидал на веку...

КИРА (чуть не плача). Прошу вас, благородный дон, снимите, заберите обратно...

ХОЗЯИН. Молчи, дура рыжая! Вся в мать! Ей благородный дон снисхождение делает, так поблагодарила бы...

АБА. Да уж, дура – она дура и есть... Вы ее не слушайте, благородный дон, она у нас... того... вина вот тоже не пьет...

БУДАХ. Слушайте, дон, не знаю, как там вас зовут...

РУМАТА. Тихо! Друзья мои. Я подарил этот браслет прекрасной Кире и не могу взять его обратно...

АБА. Во! Правильно! Подарил же...

РУМАТА. Не могу по двум причинам. Во-первых, он не мой... (Будах и Кира переглядываются). Во-вторых, и это самое важное, он не снимается!

Пауза. Кира снова пытается снять браслет, но не может.

ХОЗЯИН. Видишь ты...

АБА. Ну, это мы еще поглядим...

РУМАТА (бешено). Молчать, щенок! Голову оторву! (Аба испуганно пятится.) Хозяин, поставьте пиво м можете идти. Вы тоже, любезный!

Хозяин, поставив пиво, поспешно ретируется следом за Торговцем.

БУДАХ (отхлебывает из кружки). Вот это пиво...

РУМАТА. Больше вы не сердитесь на меня, Кира?

Кира вскакивает и выбегает из зальца.

БУДАХ. Я вам вот что скажу, благородный дон. За пиво, конечно, спасибо, однако... Ладно, об этом после. Кто вы такой и что вам от меня надобно!

РУМАТА. Я – барон Румата из Эстора. Припоминаете!

БУДАХ. Нет.

РУМАТА. И не надо.

БУДАХ. А что же надо!

РУМАТА. Долг мне вам старый отдать надо. Пятьдесят золотых. (Он достает увесистый кошелек и принимается отсчитывать, выкладывая на стол золотые кружочки.) Десять... пятнадцать... двадцать...

Будак с интересом следит за его действиями. Хозяин, Торговец и Аба – тоже, но издали, не решаясь приблизиться.

БУДАХ. Долг, значит...

РУМАТА. Именно долг, почтенный Будах... Сорок пять... Пятьдесят. Берите.

Сгребает монеты в кучу и придвигает к Будаху. Тот рассовывает деньги по карманам.

БУДАХ. Долг так долг. Правда, благородный дон, надо вам сказать, что в жизни своей я никому в долг не давал. Дарил – это бывало, но чтобы в долг... А вообще-то деньги одинаковые, что их тебе дарят, что в долг дают...

АБА (у стойки). Сколько золота, папаша, видели! Это же сдохнуть можно...

ХОЗЯИН. Богатый, видно, дон...

ТОРГОВЕЦ. Предложить ему пеньки купить?..

БУДАХ. Ну, хорошо, барон Румата, долг вы мне отдали, душу успокоили. А чего вам все-таки от меня надобно? Или сначала пожрем? Я угощаю!

Румата не успевает ответить. В зальцу, гремя по-хозяйски каблуками, входит командир серых штурмовиков Цупик в узком сером мундире при шпаге. При виде его Хозяин и Торговец подобострастно кланяются, а Аба вытягивается по стойке «смирно». Цупик останавливается посередине зальца, зорко оглядывается – взгляд его на секунду останавливается на Будахе и Румате, – затем поворачивается к Абе.

ЦУПИК. Почему здесь околачиваешься? Почему не в казармах?

АБА. Состоял в группе особого задания, господин капитан! По выполнении отпущен до обеда!

ЦУПИК. Особое задание? Какое? В чем дело?

АБА. За мятежного грамотея маленько подержались, господин капитан!

ЦУПИК. А, понял. Стихотворец Гур.

Будах вздрагивает и приподнимается, но снова садится.

АБА. Точно, господин капитан!

ЦУПИК. И как же!

АБА. Обыкновенно, господин капитан. Локти к лопаткам – и в башню. Дело привычное...

ЦУПИК. Недалек день, когда все бесчинствующие... э... персоны в герцогстве на своей шкуре убедятся, что наш канцлер дон Рэба не намерен... (Снова оглядывается.) Слушай, а где... Кира? Или ты воображаешь, что я пришел сюда, чтобы чесать с тобой язык?

АБА. Понял, господин капитан... Сию минуту... (Устремляется вон с криком: «Кира! Рыжая! Ты где, чертова девка?»)

ЦУПИК (Хозяину). Пива! Моего, черного...

Усаживается за отдельный стол. В это время в зальцу едва не крадучись входит закутанный в невообразимые лохмотья горбатый нищий и садится неподалеку от Будаха и Руматы. Хозяин ставит перед Цупиком кружку, подходит к Нищему.

ХОЗЯИН. Чего тебе, нищеврод?

НИЩИЙ. Мне бы пива кружечку да хлебца с требухой...

ХОЗЯИН. Деньги покажи.

НИЩИЙ. Есть деньги, почтеннейшим, разве я б иначе посмел...

Выкладывает на стол несколько медяков. Хозяин сгребает их в карман и, ворча, уходит к стойке. Будах внимательно присматривается и Нищему, затем придвигает ему свою кружку.

БУДАХ. Отпей, убогий, от моих щедрот.

НИЩИЙ. Спасибо, добрый господин, мне сейчас принесут...

БУДАХ. Ну, раз моим пивом брезгуешь, прими хоть это... В твоих делах пригодится, бедолага...

Вынимает золотой, кладет перед Нищим. Нищий быстро взглядывает на Будаха, снова опускает голову.

НИЩИЙ. Вовек твоей щедрости не забуду...

Прячет монету в лохмотьях. Хозяин приносит Нищему пиво и еду.

ХОЗЯИН. Жри скорей да проваливай... У меня заведение чистое.

НИЩИЙ. Да деньги разве не одни и те же, почтеннейший?

ХОЗЯИН. Помалкивай, жри вон...

Отходит к стойке, Вбегает запыхавшийся Аба, устремляется к Цупику.

АБА. Не нашел, господин капитан, должно быть, к подруге усвисталась... Да она придет скоро, я знаю...

ЦУПИК. Ладно, подождем. Спешить некуда. Ступай.

Аба отходит, прислоняется к стойке и только тут замечает Нищего.

АБА. Ты что же, скотина горбатая, жрать здесь расположился! А ну, пошел отсюда вон!

НИЩИЙ. Иду, иду, дорогой человек... (Залпом допивает пиво, засовывает остатки еды в суму и поднимается.) Иду, милый, иду...

Бормоча и постанывая, ковыляет к выходу и выходит...

ХОЗЯИН. Много нынче горбатых да увечных развелось...

ТОРГОВЕЦ. Это верно, почтенный. Пока до рынка дойдешь, все полы оборвут, все карманы обчистят...

ХОЗЯИН. Карманы... Здесь, почтеннейший, и не карманами уже пахнет. Горбатый Арата. пропасти на него нет, опять, говорят, зашевелился, уже два замка баронских сжег, под самыми нашими стенами со своими бандитами рыщет...

ТОРГОВЕЦ. Ох, не быть бы опять мятежу!

АБА. Ну, чего разнылись! Недолго уж ему рыскать! Уж попался бы он мне на глаза...

Будах вдруг раздражается громовым смехом. Все с недоумением глядят на него.

РУМАТА. Боюсь, достопочтенный Будах, я не совсем понимаю...

БУДАХ. Ох, не могу... Под стенами рыщет... А он по городу, как по своим лесам, прогуливается!

РУМАТА. Простите... Кто прогуливается?

БУДАХ. Да Арата же! Ведь нищий, который тут с нами только что сидел...

РУМАТА. Не может быть!

БУДАХ. Это же и был Арата! Знаменитый мятежник!

Пауза. Цупик вскакивает.

ЦУПИК. Врете!

ТОРГОВЕЦ. Что же вы не сказали!

АБА. Хватать надо было!..

БУДАХ. Еще него - хватать... Мне за это не платят. Тебе надо - ты и хватай! Ну, него стоишь! Беги, догони, хватай!

АБА. Да что ж я один-то...

БУДАХ. А ты капитана своего с собой...

ЦУПИК. Молчать (Абе.) Губошлеп! Бегом в казармы, доложить обо всем, поднять по тревоге, прочесать город! Ж-живо!

Аба, подхватив топор, исчезает. Цупик на негнущихся ногах подходит к Будаху.

ЦУПИК. Вот теперь вы попались наконец, почтеннейший.

БУДАХ. Я? Ничего подобного.

ЦУПИК. Вы оказали помощь мятежнику!

БУДАХ. Брось. Это ты брось. Я тебе не сыщик и докладывать тебе не обязан.

ЦУПИК. Я своими глазами видел, как вы снабдили мятежника золотой монетой!

БУДАХ. Я своими глазами видел, как ты с ним пиво пил чуть ли не за одним столом...

РУМАТА (расслабленным голосом). Что это такое? Что тут за порядки у вас в Арканаре? Почему мне мешают пить пиво и наслаждаться беседой?

БУДАХ. Сейчас все будет улажено, благородный дон Румата.

РУМАТА. Хорошо. Только поскорее, пожалуйста. Какие-то нищие, мятежники... Что нужно у моего стола этому господину в сером? Я готов дать ему золотой, но пусть он отойдет...

ЦУПИК. Прошу прощения, благородный дон. Вы приезжий? Прошу предъявить подорожную.

РУМАТА. Вам? Но я вас не знаю, дражайший! С какой стати? Кто вы такой?

БУДАХ. Это Цупик, бакалейщик с улицы Святого Мики...

ЦУПИК. Я канцлеру своему, дону Рэбе, покорный слуга и командир серых штурмовиков!

Пауза.

РУМАТА. Не понимаю. Бакалейщик... покорный командир... Повторите, любезный, чего вы хотели!

ЦУПИК. Предъявите подорожную!

РУМАТА (Будаху). Предъявить?

БУДАХ. А как хотите, благородный дон. Можете предъявить, можете не предъявить, все равно. Он читать не умеет...

Румата вдруг с криком вскакивает, опрокинув скамью. На лице его ужас и отвращение.

РУМАТА. Что это?

БУДАХ. Где? А, это? Как что? Таракан! (Хлопает ладонью по столешнице.)

РУМАТА. Гадость какая... (Проводит ладонью по лбу.)

ХОЗЯИН (от стойки). Всегда они у нас разводятся, когда торговцы пеньку привозят...

ТОРГОВЕЦ. Это уж точно. Их в пеньке видимо-невидимо...

Цупик хохочет. Все смотрят на него.

ЦУПИК. Ай да благородный дон! Ах да храбрец! Таракана испугался! Ну, распотешили вы меня! Таракана струсили!..

В одно мгновение Румата выхватывает шпагу. Цупик умолкает и шарахается в сторону.

РУМАТА. Вы изволили назвать меня трусом, господин бакалейщик? (Приставляя острое то к лицу, то к груди, то к животу Цупика, теснит его в глубину эльца, пока он не упирается спиной к стойке.) Трусом? Меня? Восемнадцатого барона Румату Эсторского? Где тебе пустить кровь, серый хам? Из брюха, налитого пивом? Из гнилого и подлого твоего сердца? (Приставляет острое к горлу.) Или из твоей гнусной глотки?

БУДАХ. Проси прощения, бакалейщик. Беда будет небольшая, если барон тебя укокошит, но что-то мне стало тебя жалко...

РУМАТА. Ты, грязная сволочь, ты всю свою жизнь спишь и жрешь с тараканами и прочей нечистью, тебе она не в диковинку, так ты решил, что и люди благородной крови таковы же, как ты?..

ЦУПИК (хрипит). Не надо... Не убивайте, благородный дон... Это я не со зла... от обиды... Простите, благородный дон...

РУМАТА. Еще раз!

ЦУПИК. Прошу великодушного прощения, благородный дон Румата!

Румата опускает шпагу, зевает.

РУМАТА. Фу, вспотел... Хозяин, каплю ируканского на стакан воды. Идите, Цупик, и хорошенько подумайте над своим поступком. И пусть это послужит вам уроком... (Пьет воду с вином.) Цупик, ни на кого не глядя, уходит.

БУДАХ (ему вслед). Это тебе не грамотеям руки крутить...

РУМАТА. А теперь... Хозяин!

ХОЗЯИН. Слушаю, благородный дон...

РУМАТА. Завтракать! (В этот момент в эльцу входит Кира.) Вот очень кстати, Кира. Ты будешь за хозяйку, не возражаешь? Завтрак ко мне наверх, на двоих... (Глядит на насупившегося Будаха, смеется.) Мы будем завтракать с моим другом почтенным Будахом...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцене перед закрытым занавесом идут слева направо Кира и Румата. Идут медленно, не прикасаясь друг к другу.

КИРА. Нет, этого я не смею, дон Румата. Я – простая девушка, я свое место понимаю... А я хочу только сказать, что, как вы от нас съехали, мне совсем плохо стало. Брат зверем смотрит, того и гляди – прибьет или еще чего хуже...

РУМАТА. Ты ему скажи, сукиному коту... Ладно, я сам скажу. Но что это он на тебя взъелся?

КИРА. Цупик, командир ихний, с тех пор к нам ни ногой. Брат говорит – из-за меня...

РУМАТА. Как это?

Пауза.

КИРА. Что здесь непонятного... А Цупик, он говорит, теперь при самом канцлере, при доне Рэбе... А вы теперь в гвардии, дон Румата?

РУМАТА. В гвардии.

КИРА. При дворе все, наверное... Дамы там красивые, нарядные.

РУМАТА. Этого добра там полно. Но ты, Кира, красивее их всех.

КИРА. Это вы просто так говорите... А насчет нарядов – так я, если захочу, тоже могу купить. На рынке один ируканский купец лавку открыл, нарядами торгует, даже заморские есть, сама видела. Давеча ходила... Это знаете где? Вот как по

улице Красильщиков на рынок выйдете, так сразу по правой руке она, недалеко от виселиц.

РУМАТА. Ага...

КИРА. Ага. Шагов сто не доходя, так что мимо них идти не приходится... Я страсть не люблю под виселицами ходить. Там теперь голых вешают, срам смотреть... Раньше, бывало, в одежде или в мешках вешали, да и то один висит, другой... А нынче целыми десятками висят, да не только мужчины, но и женщины... Так я уж стараюсь глаза в землю... А что это одна я все говорю и говорю, дон Румата, а вы все молчите... Конечно, вам, наверное, скучно со мной, да?

РУМАТА. Нет, что ты, девочка, я слушаю...

КИРА. Ну да, слушаете... А сами о другом чем-то думаете. Я же вижу...

РУМАТА. Это верно. О другом. О тебе.

КИРА. Вот уж неправда...

РУМАТА. Вот уж правда...

КИРА. Если бы вы обо мне думали...

РУМАТА. Тогда что?

КИРА. Вы бы давно... А то уже тринадцатый день, как от нас съехали, и ни разу не зашли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/bez-oruzhiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)